

Сунь Цзинь снял с рукава траурную черную повязку и уложил её в отделение чемодана. Когда он спускался с чердака, половицы под его ногами жалобно скрипели, словно не в силах вынести тяжести шагов, а в лучах света, пробивавшихся сквозь окно, кружились бесчисленные пылинки.

Он прожил здесь столько лет, но впервые почувствовал, насколько старым и холодным стал этот дом.

Впрочем, чего еще ожидать? Раз матери больше нет, можно ли вообще называть это место домом?

Родители Сунь Цзиня развелись десять лет назад. Мать забрала Сунь Цзиня с собой, а младшего брата, Сунь Синланя, который был на три года младше, оставила на попечение Сунь Сянпина.

Развод был крайне тяжелым и скандальным. Впоследствии мать запретила Сунь Цзиню видеться с отцом и братом: в её глазах Сунь Сянпин, мужчина, который постоянно изменял и не заботился о семье, перестал быть отцом. Что же до Сунь Синланя, то ему не повезло: мать начала подозревать мужа в неверности как раз после рождения младшего сына. С тех пор детский плач и постоянные семейные дразги стали для неё символом краха брака, и в итоге она начала относиться к Сунь Синланю с такой неприязнью, словно он был вестником несчастий.

Сунь Цзинь отчетливо помнил тот день, когда мать уводила его из дома. Четырехлетний Сунь Синлань плакал и тянулся к ней, пытаясь ухватить за руку, но мать с силой оттолкнула его, а затем, крепко вцепившись в руку Сунь Цзиня, вышла за порог, ни разу не оглянувшись.

— Мама... брат... куда вы уходите...

Это было последнее воспоминание Сунь Цзиня о младшем брате.

Жизнь после развода была нелегкой. Мать отказалась от любой помощи Сунь Сянпина и оплачивала учебу сына на свою скромную зарплату. Она постоянно жаловалась, ворчала, плакала и проклинала всё на свете. Поскольку больше ей было не на кого излить душу, весь негатив доставался Сунь Цзиню.

Тот лишь молча и покорно принимал всё, а когда эмоциональная буря матери утихала, приносил ей стакан теплой воды или подавал бумажные салфетки.

Он знал, как тяжела жизнь, и понимал причины всех материнских слез и упреков.

Прошлой осенью у матери обнаружили рак легких. Болезнь навалилась подобно горному обвалу: конечности матери ныли от боли и днем, и ночью, дыхание стало хриплым, как у

кузнечных мехов, а каждый приступ кашля оставлял на платке следы крови.

Сунь Сянпин не объявился лично, лишь передал через Сунь Цзиня деньги на лечение.

Сунь Цзинь, учившийся в то время в одиннадцатом классе, каждую ночь сидел над учебниками, одновременно ухаживая за больной матерью, пока та, наконец, не сдалась.

Последними словами, которые мать сказала Сунь Цзиню, были: Ты хлебнул слишком много горя, не становись таким, как я. Я больше не буду тянуть тебя за собой.

Не буду тянуть тебя за собой.

Сунь Цзинь знал, что мать всегда чувствовала вину перед ним. Поэтому, осознав, что больше не сможет заботиться о сыне, она велела ему принять предложение Сунь Сянпина и вернуться в дом отца.

Машина водителя ждала у подъезда. Сунь Цзинь вышел из дома, и водитель помог ему убрать чемодан в багажник. Сунь Цзинь сел в машину и тихо устроился на заднем сиденье.

Автомобиль покинул старый район и направился в центр города, где вскоре остановился у ворот роскошного особняка.

Сунь Сянпин ещё не вернулся. Он отправил Сунь Цзиню сообщение, что задержится, а домработница уже приготовила ужин, поэтому пусть мальчик поест и идет отдыхать.

Сунь Цзинь послушно согласился. В этом доме, даже будучи близким родственником Сунь Сянпина, после десяти лет разлуки он чувствовал себя лишь посторонним.

А что касается Сунь Синланя, то тут и спрашивать было нечего: ещё когда брат не явился на похороны матери, Сунь Цзинь понял, что тот совершенно к нему равнодушен.

Поскольку чувств между ними не было, то и тратить силы на любовь или ненависть было бессмысленно — не стоило попусту расходовать эмоции.

Домработница закончила уборку, приготовила еду и ушла. Сунь Цзинь поднялся на второй этаж и открыл дверь в свою комнату: просторную и чистую, в сто раз лучше прежнего тесного чердака.

Он выложил вещи из чемодана, аккуратно расставил их, а затем вышел в коридор. Соседняя комната принадлежала Сунь Синланю. Сунь Сянпин предупредил, что сегодня младший сын ушел гулять с друзьями и, возможно, вернется только поздно вечером. Сунь Цзинь спустился вниз, чтобы поесть. Оказавшись в непривычно просторном помещении, он никак не мог

освоиться, поэтому вернулся в свою комнату и, сев за письменный стол, открыл учебник.

До конца летних каникул оставалось всего несколько дней, а в следующем семестре начинался выпускной класс. Сунь Сянпин предлагал перевести его в школу получше — оценки Сунь Цзиня за среднюю школу позволяли поступить туда без труда, но, взвесив стоимость обучения, он обнаружил разницу в семьсот юаней за семестр и без колебаний выбрал школу попроще.

Просидев за столом весь день, к вечеру Сунь Цзинь отправил Сунь Сянпину сообщение, в котором написал, что не стоит просить домработницу приходить снова: с обеда осталось много еды, он сам её разогреет.

Сунь Сянпин ответил коротким «хорошо», очевидно, он был очень занят.

После ужина Сунь Цзинь принял душ. Выйдя из ванной и вытирая волосы, он услышал внизу какой-то шум.

Это был голос мальчика, Сунь Синлань, по-видимому, с кем-то разговаривал по телефону.

На лестнице слышались шаги. Сунь Цзинь почувствовал, как у него вспотели ладони, а сердце забилось в бешеном ритме. Он не знал, как вести себя с братом, которого не видел десять лет.

Когда звуки шагов приблизились, Сунь Цзинь наконец нажал на дверную ручку и распахнул дверь.

Сунь Синлань как раз проходил мимо, закончил разговор по телефону и в этот же миг повернул голову в сторону двери.

Сунь Цзинь был застигнут врасплох — их взгляды встретились.

Сунь Синлань унаследовал все лучшие черты Сунь Сянпина: высокий, статный, с невероятно красивыми чертами лица. В его облике сквозила ещё не ушедшая детская дерзость, бунтарский дух был буквально написан на лице, а взгляд, которым он смотрел на окружающих, отдавал небрежным безразличием.

Ему было всего четырнадцать лет, но он уже догнал семнадцатилетнего Сунь Цзиня в росте. В этом напористом, характерном для подростков образе Сунь Цзиню почудилось нечто большее — в глазах Сунь Синланя он уловил явное презрение и высокомерие.

И тут же понял, что не ошибся: Сунь Синлань действительно смотрел на него свысока.

Брат лишь мельком взглянул на него, равнодушно отвел глаза и, не замедляя шага, направился

к своей комнате. Тот милый малыш, который в детстве, пахнувший молоком, лопотал что-то, называл его братом и капризно просился на ручки, за эти десять лет переменялся до неузнаваемости, превратившись в стоящего перед ним юношу, который даже не удостоил его взглядом.

Сунь Цзинь давно предвидел подобную сцену, но когда это произошло на самом деле, он всё равно почувствовал бессилие и невыносимую тяжесть на душе.

— Синлань... — сухо произнёс Сунь Цзинь, чувствуя, как сжимается горло. Это имя было ему до боли знакомо, но он не произносил его уже много лет.

Он не знал, что сказать, он лишь чувствовал, что первая встреча родных братьев спустя десять лет не должна была закончиться столь поспешно.

Сунь Синлань, держась одной рукой за дверную ручку, обернулся, и в его глазах читалось нескрываемое раздражение:

— Не смей называть меня по имени.

Затем он вошёл в комнату и с грохотом захлопнул дверь — этот звук, казалось, отозвался эхом по всему дому.

Знай он, что разговор выйдет таким, лучше бы он закончился ещё быстрее.

Около одиннадцати часов вечера вернулся Сунь Сянпин.

Сунь Цзинь спустился вниз, чтобы встретиться с ним. Они перекинулись парой фраз, чувствуя себя чужими и отстранёнными. Сунь Сянпин велел Сунь Цзиню идти спать, добавив, что сам сегодня ночевать дома не будет.

Сунь Цзинь не был настолько бестактен, чтобы расспрашивать, где именно его отец собирается провести ночь. Он просто кивнул и поднялся, но напоследок услышал:

— Синлань ещё мал, характер у него скверный, к тому же вы долго не виделись. Возможно, он просто не привык. Не сердись на него.

— Я не сержусь, — ответил Сунь Цзинь. — Я его старший брат, я и должен ему уступать.

Сунь Сянпин с облегчением улыбнулся, похлопал Сунь Цзиня по плечу и вышел из дома.

Сунь Цзинь поднялся вверх. Проходя мимо комнаты Сунь Синланя, он на мгновение задержал

взгляд на закрытой двери. Внутри было тихо — очевидно, тот уже спал.

Перед сном Сунь Цзинь вынул из книги совместную фотографию с матерью и долго, внимательно разглядывал её под светом прикроватной лампы.

Затем он положил снимок под подушку, выключил свет и закрыл глаза.

<http://bllate.org/book/22345/2341081>